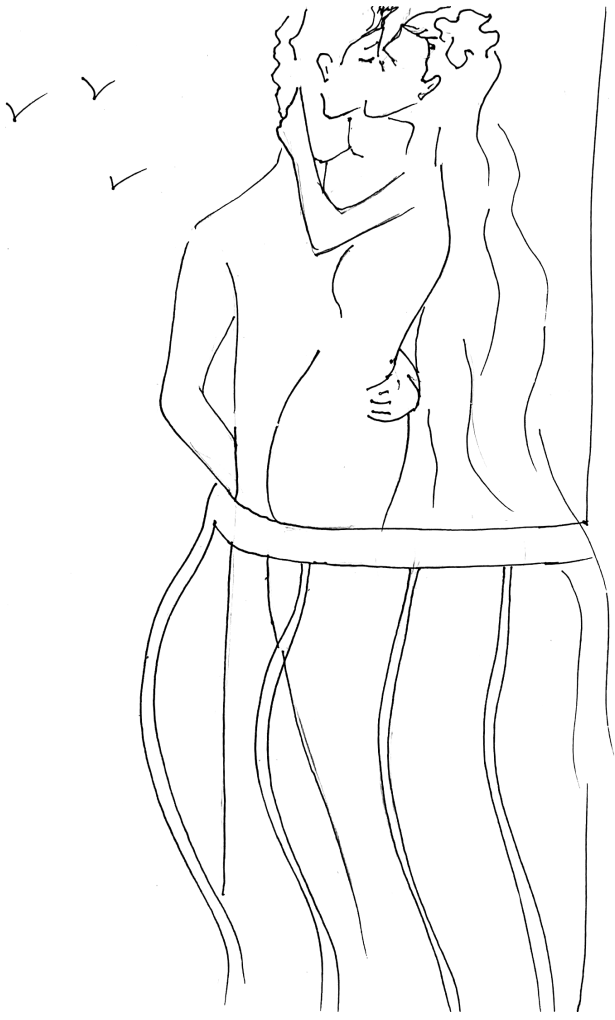

*За девушкой надо ухаживать.
То, что ты пишешь ей день и ночь,
еще ничего не решает, считай, что
ты просто заполняешь анкету,
чтобы устроиться к ней на работу.*

Тонкие стены

Мы спотыкаемся там, где влюбились, мы падаем, где нас бросили, мы пытаемся подняться там, где нас любили. Меня зовут Миранда. Итак, я потеряла работу. Общество в лице директора небольшого издательства сказало, что больше не нуждается в стенографистках. Я почувствовала себя Америкой в эпоху глубокого кризиса, душа моя была разбита на штаты, в каждом из которых случилась своя внештатная ситуация, все, что соединяло их, это только желание как можно быстрее чем-то заполнить эту озоновую дыру. Я нервничала, я переживала, но как такое пережить, в результате то и дело выходила из себя. Мой психолог, которого я, похоже, уже достала, однаж-

ды положил меня обратно одной фразой: «Кем вы работали? Стенографисткой. Вот идите и пишите свои стены».

Благо мне было куда идти. Небольшая квартира в панельном доме, которая досталась мне от бабушки, как-никак, но грела. Я вышла на балкон, посмотрела на новый красивый дом напротив, террасы которого поблескивали уютным оранжевым стеклом, и тот казался некой близкой мечтой, где я хотела бы оказаться. «Дом тоже способен обнять» — было написано на большом баннере одной из террас. В Испании все знали компанию Alegria, все недвижимое под ее чутким руководством вдруг становилось движимым и перспективным, а теплое имя как нельзя лучше внушало, что смысл жизни заключается в радости. Именно так переводилось с испанского название фирмы. Я подняла глаза чуть выше и увидела мужчину, который курил на террасе. Он был в одних трусах. Вид его был а-ля беззаботный сегодня и уверенный завтра; я оперлась о перила и смотрела на него, будто пыталась спросить: «Как вам там живется, в мечте?»

Мужчина в ответ почесал свое причинное.

«Все заеби...» — прочла я в его жесте и продолжила немой диалог.

Еще бы, в таком прекрасном доме — что он мог еще ответить.

«Как вам это удалось?»

Мужчина выпустил дым в небо.

Умеете очень хорошо пускать дым в глаза... По крайней мере честно. А то начал бы про то, что для этого надо много работать, сразу стало бы скучно.

«Раз вы такой умный, может, вы знаете, что такое писать стены?»

Мужик почесал голову, затушил сигарету и исчез.

«Думай сама», — перевела я.

Все мужчины одинаковы, когда у них нет готового ответа на поставленные вопросы, они уходят.

Она представила на минутку себя рядом с этим мужчиной в трусах, что она его жена, которая не любила его, просто осталась с ним ради удобств. Стало немного не по себе.

— Может, займемся любовью?

— Безответная тебя устроит?

Так сразу захотелось ему ответить. Секс с нелюбимым человеком — что может быть хуже? Ничего... пожалуй, ничего у нас не выйдет. Придется самой. Ни в коем случае не хотелось быть от кого-то зависимой. Даже ради такой квартиры.

«В одном ты прав, мужик: чтобы осуществить мечту, надо хорошенько подумать. Заболталась я с тобой, пойду думать, анализировать, не спать», — еще раз окинула я взглядом мечту и вернулась в свою конуру с тонкими стенами. Стены действительно будто бумажные. Слышимость идеальная. Мне казалось, я слышала все квартиры сразу. Это было одной из причин того, что хотелось переехать в дом напротив, где стены внушали доверие. Здесь же все доверительные разговоры становились легкой добычей соседей. За стеной ругались, там кипела настоящая жизнь.

— Хватит уже кричать, дорогая. Может, кофе?

— Кофе? Это все, на что ты способен.

— А ты?

— Кажется, с тобой я была готова на все, но все никто так и не предложил.

— Раньше ты говорила, что тебе много не надо, тебе надо с чувством.

— Да, много не надо, мне нужно все.

Это диалог за стенкой спальни занимал Миранду. Она уже прекрасно знала эти голоса. Мужчины и женщины. Парочка так красиво ругалась, что можно было записывать. Но ей было некогда, потому что надо было приготовить обед.

Миранда прошла на кухню и достала из холодильника курицу.

— Какая же ты курица.

— Сама ты курица.

По голосу ссорились две сестры, она их знала, потому что часто видела во дворе вместе с матерью. Одна из куриц была чуть старше. Они все время ругались. Именно из-за этого у меня частенько пригласил обед. Заслушивалась.

Было в ругани что-то притягательное, но жутко неудобное, от чего хотелось избавиться, как от камешка в ботинке. Скорее всего, им было все равно, слышит их кто-то или нет.

— Мне все равно, что ты обо мне думаешь.

— Ты все время искажаешь смысл моих слов.

— Я не думаю, если ты об этом. О своем друге. Но зачем ты привела его в дом, да еще спала с ним на моей постели?!

— Все это напоминает мне сказку «Три медведя».

— Их было трое? Вот это поворот.

— Я же говорю, что ты все время искажаешь мои слова и не только слова, но и мысли. Это была чистая любовь, если ты хочешь знать.

— Ну, конечно, а постель грязная. Любовь чистая, а постель грязная.

— Хватит завидовать, Хулия. Я же не виновата, что ты все еще в девках.

— Мне никто не нужен. Разве я виновата, что не могу провести вместе с парнем и дня, не сказав ему правды, от которой он меня возненавидит. Я не могу сидеть и молчать, как некоторые. Да, прежде чем тащить человека в постель, мне надо с ним поговорить, узнать его ближе.

— Романтика — это твое кредо.

— Вот и не отнимай.

— Я должна с этим смириться.

— Нет, ты должна мне три евро.

— За что?

— Ровно столько я потратила на стирку белья.

— Хорошо.

— Ничего хорошего. Знаешь, какая я была злая на тебя. Я так любила тебя. Для меня был полным разочарованием этот проходимец.

— Если ты хочешь ударить меня, сделай это... Но я должна тебя предупредить, где гарантии, что я не начну получать от этого удовольствие.

— Ах ты, зараза. Ты всегда знаешь, как выкрутиться.

Миранда поставила курицу и вернулась в зал. Там шел футбол. Она пыталась сосредоточиться на том, как ей жить дальше, что делать. Она по инерции вставила в свою печатную машинку листок и провела руками по клавишам.

* * *

- Можно сделать потише?
- Нет. Принеси лучше пива.
- Я тебе не официантка, а ты не в баре.
- С тобой всегда было трудно.
- Можно подумать, что с тобой легко.
- Можно просто помолчать.
- Да, можно не думать.

Для Миранды это была знакомая история. Ее дед тоже был заядлым болельщиком. В те самые дни матчей в стране царил футбол, матч за путевку на ЧМ. Все, как придурки, прилипли к экранам, будто этот матч был для них важней всего на свете, важней их личной жизни. Даже не финал, ощущение было такое, что если наша команда проиграет, наступит конец света. Все собрались в барах, в холлах гостиниц, где стоял большой телевизор. Настолько большой, что можно было запросто забежать в него и оказаться на поле. В первом ряду сидел директор базы и тренеры. Две команды гоняли между собой мяч, пытаясь как-то его прикормить, приручить,

чтобы после затащить в ворота соперника. Все орали как ненормальные, едва мяч приближался к чужим воротам. Страна играла в футбол. Болела хорошо, играла плохо. Дед смотрел футбол дома, все время с досадой размахивал руками после очередного промаха наших. Бабушка смотрела на него снисходительно, но никак не хотела снизить, тем самым лишний раз подчеркивая, что мы здесь теряем время. Могли бы заняться чем-нибудь приятным.

— Ты куда?

— К любовнику.

— Зачем к любовнику? — весь поглощенный матчем спрашивал дед.

— Чтобы любил.

— А я что, разве не люблю?

— Ты любишь футбол.

— Слушай, это же только один раз в жизни бывает такой матч.

— Я тоже один раз. Или ты думаешь, таких, как я, завались?

— Я не думаю.

— Не думай дальше, пошла я.

— А как же футбол?

— Никак.

— Если ты в магазин, купи пива.

— Ладно. Пошли, Миранда.

— Миранда, слышишь меня или нет? Шевелись! О чем ты все время думаешь? — будто услышала голос бабушки Миранда, все еще сидя перед чистым листом бумаги. Начать с чистого листа не получалось. Тем более что наши забили гол. Дом закричал и запрыгал. А потом через несколько минут наступила тишина. Видимо, пропустили.

В памяти всплыл летний лагерь, соревнования в бассейне, где все тоже шумели и галдели, поддерживая своих, все, кроме тренера нашей команды по плаванию, колоритного лысоватого мужчины в красной майке и с секундомером на шее. Он сидел на трибуне и смотрел на нас обреченно. Выражение его лица выглядело нецензурным, настолько красноречивым, будто соревновалось в красноте с футболкой. Открытым текстом читалось, что нам в случае поражения будет лучше утопиться с горя, чем видеть горе его. Я уже знала, что если мы выиг-

раем, то он напьется, а если проиграем, то он напьется так, что неделю его не будет видно на горизонте.

Я увидела, как позади него появилась Грета, вот что мне подсказывало сердце. Она помахала мне рукой и села рядом с Дэном, я тоже помахала ей в ответ. Между теми махами, которыми я пыталась еще сильнее разогреть свое тело, а скорее всего движениями этими мне хотелось быстрее подогнать к финишу Хорхе, который все еще боролся там на середине бассейна со стихией. Конечно, ему было сложно, он ковырялся еле-еле, будто у него не было одной руки.

Возможно, если бы он мог видеть, что сейчас рядом с Гретой рассаживались еще несколько подружек-гимнасток, среди которых была и Сальма, по которой он сох (даже сейчас, будучи в воде), хотя шансов у него не было никаких, она — дочка директора центра. Девочка симпатичная, но заносчивая, а голова у нее была завалена всякой ерундой. С ней можно было провести некоторое время, пока она не начнет совать свой длинный нос (нос у нее действи-

тельно был длинноват, но длинные ноги все компенсировали) в дела людей, которых ты знать не знаешь. Знай он, что она сейчас смотрит на него, он начал бы по обыкновению сохнуть, и, возможно, ему было бы легче плыть.

Ах, как же нам не хватало сейчас этой легкости, потому что две соседние дорожки уже плыли кролем и разрыв между нами, между нашим брассом и их кролем, теперь начал увеличиваться с геометрической быстротой. Все равно что лягушка пыталась догнать окуня и щуку.

Я уже стояла на тумбочке и видела в воде человека в плавательных очках и в синей шапочке, который приготовился к прыжку, будто вот-вот хотел наброситься на меня, когда Хорхе вытянулся в последний раз.

Едва он коснулся бортика, я вылетела с тумбочки, насколько это было в моих силах. Прохладная пучина поглотила тело, я сделала несколько мощных движений тазом, будто пыталась проникнуть, протиснуться в самую сущность воды, в ту невесомость, где тело мое стало космическим.